

Этнология, антропология и этнография

УДК 572.9+902(571.1)

DOI 10.37386/2413-4481-2024-1-90-95

Андрей Павлович Бородовский

Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск, Россия, altaicenter2011@gmail.com

ДИСКУРС ТЕРМИНА «АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА» В АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ НАСЕЛЕНИЯ ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА НА ВЕРХНЕЙ ОБИ

Аннотация. В статье рассматривается проблематика корректности культурной атрибуции населения эпохи раннего железного века Верхней Оби в современных антропологических публикациях. Автор публикации в формате историографического и концептуального анализа представляет основные варианты и противоречия использования термина «большереченская» археологическая культура в рамках антропологических публикаций. Анализ доступных материалов позволяет выделить дискуссионность, противоречивость и непоследовательность использования этого термина в конкретном региональном формате. Такие особенности полностью соответствуют общим тенденциям кризисных явлений в оперировании термином «археологическая культура» в современных условиях.

Ключевые слова: Верхняя Обь; эпоха раннего железа; археологическая культура; корректность культурной атрибуции; Быстровский некрополь.

Andrei P. Borodovskiy

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk, Russia, altaicenter2011@gmail.com

THE TERM "ARCHAEOLOGICAL CULTURE" AND ITS DISCOURSE IN ANTHROPOLOGICAL STUDIES OF EARLY IRON AGE POPULATIONS ON THE UPPER OB

Abstract. The paper analyzes the use of the term "Bolsherechenskaya archaeological culture" in domestic anthropological publications of the second half of the 20th and early 21st centuries. Using historiographical and conceptual analysis, the author of the paper presents the main options and contradictions in using the term "Bolsherechenskaya" archaeological culture within the framework of anthropological publications. The analysis of available materials helps to emphasize the discussion points regarding the contradictory and inconsistent use of this term in a specific regional context. Such features fully correspond to the general tendencies of crisis phenomena in using the term "archaeological culture" in modern settings.

Keywords: Upper Ob; Early Iron Age; archaeological culture; correctness of cultural attribution; Bystrov necropolis.

Для самой процедуры выделения археологической культуры на конкретном материале характерна неполнота, неопределенность многих характеристик, а также порой произвольное оперирование этим термином. Не менее важно при историографическом рассмотрении любой проблематики следовать целому ряду принципов. Среди них объективность, связанность, развиваемость, целостность, системность, детерминизм, логичность, конкретность. Руководствуясь этими принципами, обсудим вопрос о динамике трактовки большереченской культуры эпохи раннего железного века на Верхней Оби на протяжении более чем полувековой истории ее изучения, поскольку использование термина «большереченская археологическая культура» в современных антропологических публикациях выглядит далеко не однозначно, крайне противоречиво, а порой и некорректно.

Первоначальная периодизация большереченской археологической культуры была установлена М. П. Грязновым [1, 2, 3] на основе стратиграфического метода в середине прошлого столетия. Однако, спустя почти полвека с начала своего изучения, по мере существенного накопления источниковой базы наметилось несколько основных тенденций ее дефиниции и периодизации. В соответствии с первой из них самый ранний большереченский этап был исключен из периодизации этой культуры, хотя название ее для эпохи раннего железа осталось неизменным [4; 5, с. 77, 78]. Другая тенденция проявилась в том, что началось существенное уточнение продолжительности бытования каждого из оставшихся периодов (бийского и березовского) [5–10].

Важно отметить, что еще в самом начале изучения березовского этапа М. П. Грязнов отмечал, что «материалы для характеристики культуры бе-

резовского этапа... не так обильны, как для большереченского этапа, поэтому трудно сейчас указать, какие конкретно изменения произошли... за время от VII–VI по II–I вв. до н. э.» [11, с. 89]. На рубеже 80–90-х годов прошлого столетия наметилась явная тенденция к удревнению березовского этапа большереченской культуры традиционными методами археологического датирования [5, с. 77]. В начале нового тысячелетия благодаря

применению естественно-научных методов (дендрохронологии и радиоуглеродного датирования) при анализе материалов Быстровского некрополя (Быстровка-1, 2, 3) (рис. 1, 2) удалось перейти от традиционных периодизационных схем к построению хронологической шкалы (дендрохронология, радиоуглеродное датирование) для севера Верхней Оби в эпоху раннего железа [12; 13, с. 55, 56, 59, 60] (рис. 3, 4).

Рис. 1. Расположение Быстровского некрополя (Быстровка-1, 2, 3) на Верхней Оби

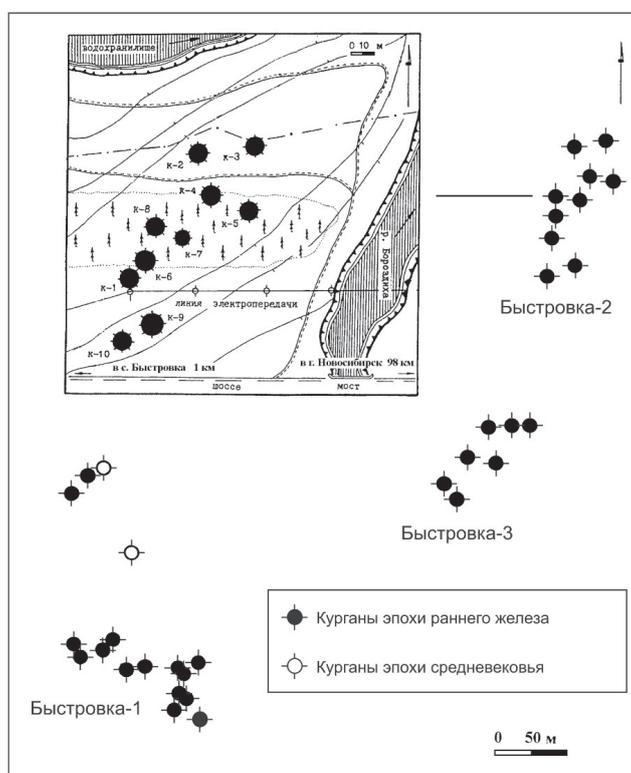

Рис. 2. Планиграфия Быстровского некрополя (Быстровка-1, 2, 3)

Итогом таких работ по комплексному датированию [14, 15] стало не только продолжение удревнения березовского этапа в целом, но и интерпретация его не как отдельного этапа большереченской культуры, а как особого исторического периода населения эпохи раннего железа Верхней Оби [16, 17] в контексте концепции поликультурности [18, с. 155]. С историографической точки

зрения следует заметить, что в самой ранней версии культуругенеза населения эпохи раннего железа Верхней Оби М. П. Грязновым уже в 1950 г. предлагался вариант дефиниции – «березовская» археологическая культура [1]. Такой факт лишним раз позволяет рассматривать это явление в качестве самостоятельного культурного таксона, требующего своего осмысления.

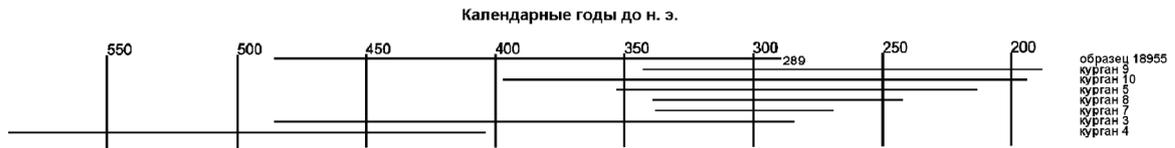

Рис. 3. Дендрохронологические датировки погребений курганов Быстровка-2

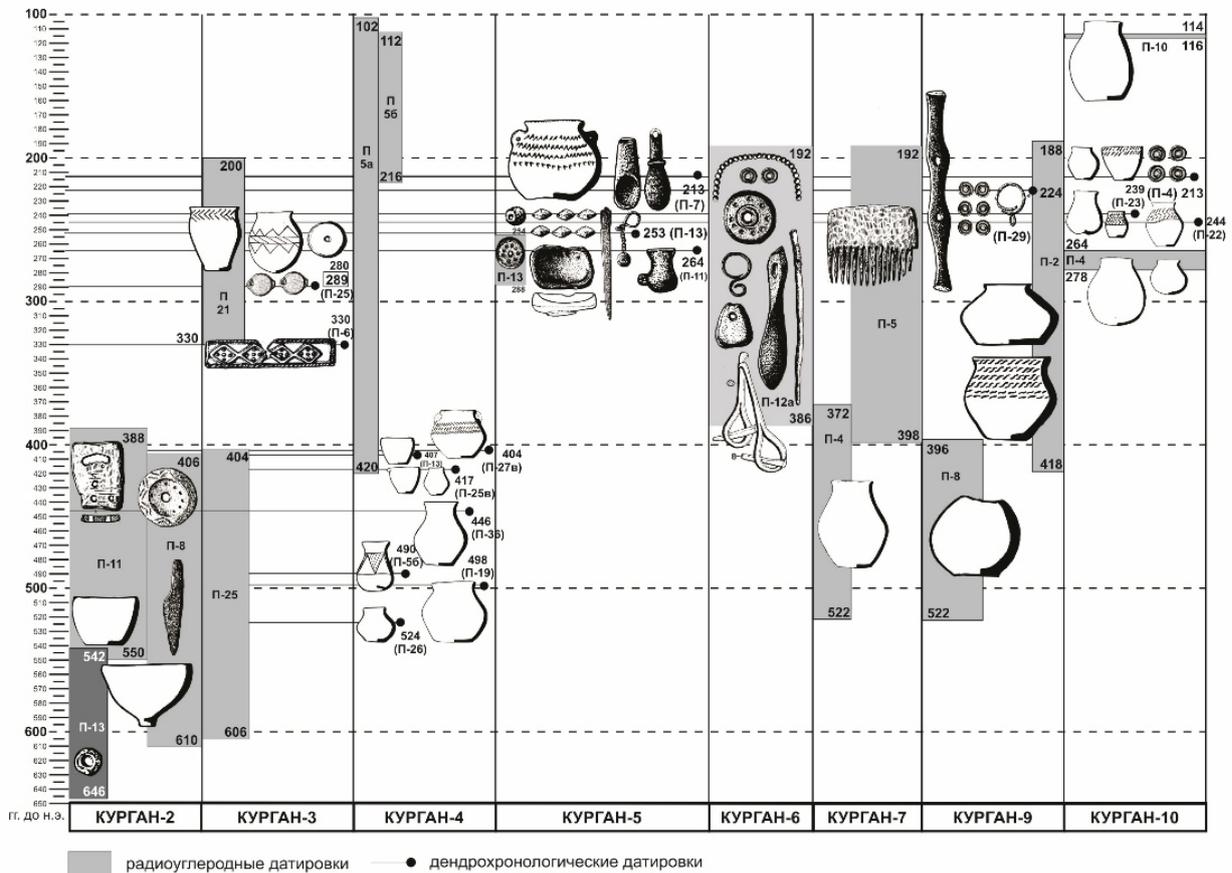

Рис. 4. Корреляция радиоуглеродных, дендрохронологических и традиционных археологических датировок погребений курганной группы Быстровка-2

Другой тенденцией стало изменение названия культуры с большереченской на каменскую [19]. Предлагалось не только отделить большереченскую культуру от каменской, но и рассматривать происхождение первой как местной, а второй как пришлой [20, с. 35]. В дальнейшем большереченская культура (VIII–VI вв. до н. э.) интерпретиро-

валась как явление переходного периода от бронзы к раннему железу. К этой эпохе на основании традиционного подхода археологического датирования (типология и время бытования предметного комплекса и особенности погребального обряда) [21; 22, с. 3–8, 108–109] относилась каменская культура (вторая половина – конец VI – II–I вв.

до н. э.). В антропологических исследованиях такая точка зрения начинает активно транслироваться начиная с 90-х годов прошлого столетия и практически до настоящего времени [23–30]. Однако в начале второго десятилетия нашего столетия часть антропологов [31] для территории севера Верхней Оби (Новосибирское Приобье) вновь возвращается к использованию терминологии «большереченская культура» в отношении тех погребальных комплексов (Быстровка-1, 2, 3), которые ранее именовались ими как «каменные».

При такой трактовке явно не учитывалось, что ранний большереченский этап при исключении его из эпохи раннего железа либо определялся как культура переходного периода от эпохи поздней бронзы, либо относился к культурам раннескифского времени. Наряду с этим следует отметить, что достаточно давно подчеркивалась синкретичность погребальных комплексов «большереченской» культуры [10, 32, 33, 34]. Кроме того, еще следует учитывать, что на рубеже 1990–2010-х гг. для реконструкции культурогенеза эпохи железа Западной Сибири наметилась тенденция отказа от употребления понятия «археологическая культура», заменив его терминами «этап» и «период» [35, с. 129; 36, с. 63]. Этот подход в определенной степени был наиболее рациональным при явной запутанности, противоречивости и тупиковой дискуссионности относительно конкретных археологических культур, включая и территорию Верхней Оби в эпоху раннего железа.

Анализ проблемных культурных атрибуций населения Верхнего Приобья эпохи раннего железа в целом ряде современных антропологических публикаций [28, 31, 37, 38, 39] позволяет установить, что такая ситуация была обусловлена целым комплексом причин. Основным фактором такой ситуации во многом стало не только существенное увеличение источниковой базы на протяжении достаточно длительного времени периода изучения, но и значительное изменение взглядов целого ряда археологов, проводящих исследования. Не менее важным фактором стало еще постепенное изменение основных исследовательских парадигм – автохтонности, миграционизма и эволюционизма.

Также следует отметить, что достаточно скоро стали проявляться явные противоречия, которые были заложены при первоначальном выделении большереченской культуры М. П. Грязновым. Среди них, с одной стороны, локальность археологического материала (комплекс Ближних

Елбан), использованная для выделения археологической культуры обширного Верхнеобского региона. С другой стороны, при выявлении отдельных этапов (бийского) была привлечена недостаточная источниковая база для его обоснования.

Исходя из этих первоначальных характеристик, термин «большереченская культура» является неудачным, особенно применительно к материалам Новосибирского Приобья. Поскольку за ним может скрываться одна из минимум 5 трактовок, известных по археологической литературе: 1) большереченская культура переходного времени IX–VIII – VII–VI вв. до н. э., 2) большереченский этап большереченской культуры VIII–VI вв. до н. э., 3) большереченская культура VIII–II вв. до н. э., 4) большереченская культурно-историческая общность VIII–II вв. до н. э., 5) большереченская культура VI–II вв. до н. э.

Подводя итоги, необходимо отметить, что с историографической точки зрения для настоящего времени можно привести достаточно многочисленные примеры некорректного оперирования термином большереченская культура в современных антропологических изданиях. Речь идет об отнесении Быстровского некрополя (Быстровка-1, 2, 3) эпохи раннего железа в Верхнем Приобье то к «каменной» [28, 29, 30, 40], то к «большереченской» [31, 38] археологическим культурам. Можно, конечно, возразить, что антропологи при своем изучении «вынуждены следовать за археологическими трактовками» изучаемого материала. Но в этом случае необходимо либо присоединиться к какой-то из точек зрения археологов или обосновать свою собственную позицию по вопросу культурной атрибуции населения эпохи раннего железа Верхнего Приобья. При этом такой выбор может быть представлен несколькими направлениями. Во-первых, сохранением и поддержкой традиционной точки зрения М. П. Грязнова о существовании большереченской культуры из трех этапов: большереченского (VII–VI вв. до н. э.), бийского (V–III вв. до н. э.), березовского (II в. до н. э. – I в. н. э.) [2, 3]. Во-вторых, поддержкой территориально модернизированных представлений о большереченской культуре, выдвинутых Т. Н. Троицкой на основе парадигмы М. П. Грязнова, которая включает только два этапа – бийский (VI–V по начало IV в. до н. э.) и березовский (IV по начало II–I вв. до н. э.), а большереченский этап уже рассматривается в формате культур переходного времени (VIII – начало VI вв. до н. э.) от эпохи поздней

бронзы к раннему железу [5]. В-третьих, отказом от термина «большереченская» культура по отношению к археологическим комплексам севера Верхнего Приобья или критике оправданности и корректности выделения ее отдельных этапов (бийского, березовского) [9, 10, 41]. В поддержку анализируемой позиции антропологов по поводу продолжения использования культурной де-

финиции «большереченская культура» можно, конечно, привести пример присутствия такой трактовки этого термина в современных обобщающих изданиях [42, с. 48, 59, 62]. Однако это справедливо подвергается критике, поскольку не соответствует современным представлениям о культурной принадлежности населения эпохи раннего железа на севере Верхнего Приобья.

Список источников

1. Грязнов М. П. Из далекого прошлого Алтайского края. По работам Алтайской археологической экспедиции Института материальной культуры им. Н. Я. Марра Академии наук СССР и Ленинградского государственного Эрмитажа 1946–1948 гг.: стенограмма лекции, прочитанной в 1949 г. на семинаре лекторов г. Барнаула. Барнаул: б/и, 1950. 20 с.
2. Грязнов М. П. Археологические исследования территории одного древнего поселка // КСИИМК. М., 1951. Вып. 40. С. 105–113.
3. Грязнов М. П. Алтай и приалтайская степь // Археология СССР. М.: Наука, 1992. Т. 10. С. 161–178.
4. Кирюшин Ю. Ф. Лесостепной Алтай в эпоху поздней бронзы и раннем железном веке // Скифская эпоха Алтая. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1986. С. 75–79.
5. Троицкая Т. Н., Бородовский А. П. Большеереченская культура лесостепного Приобья. Новосибирск: Наука, 1994. 184 с.
6. Троицкая Т. Н. К вопросу о новосибирском варианте большеереченской культуры // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Кемерово: Изд-во КемГУ, 1980. С. 170–175.
7. Абдулганеев М. Т. Бийский этап (хронологические рамки и содержание понятия) // Материалы к изучению прошлого Горного Алтая. Горно-Алтайск: ХНИИЯЛИ, 1991. С. 91–105.
8. Фролов Я. В. Бийский этап (к постановке вопроса) // Археологические исследования в Сибири. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1989. С. 69–70.
9. Кунгуров А. Л. К вопросу об этнокультурной ситуации в Барнаульско-Бийском Приобье во второй половине I тыс. до н. э. // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории: материалы XII Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. Томск: Изд-во ТГУ, 2001. С. 293–296.
10. Бородовский А. П. Археологические памятники Искитимского района Новосибирской области. Новосибирск: Научно-производственный центр по сохранению историко-культурного наследия, 2002. 208 с.
11. Грязнов М. П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М.; Л.: Наука, 1956. 226 с. (Сер. Материалы и исследования по археологии СССР. Т. 48).
12. Хронология погребальных комплексов раннего железного века в Верхнем Приобье по данным древесно-кольцевого и радиоуглеродного методов (на примере курганной группы Быстровка-2) / А. П. Бородовский, И. Ю. Слюсаренко, Я. В. Кузьмин и др. // Археология, этнография и антропология Евразии. 2003. № 3 (15). С. 79–92.
13. Евразия в скифскую эпоху. Радиоуглеродная и археологическая хронология. СПб.: Теза, 2005. 290 с.
14. Бородовский А. П. Традиционные и естественно-научные методы датирования погребальных комплексов (по материалам Быстровского некрополя эпохи раннего железа) Новосибирск: Изд-во Новосибирского гос. ун-та, 2009. 112 с.
15. Бородовский А. П. Датирование многомогильных курганов эпохи раннего железа Верхнего Приобья естественно-научными и традиционными методами (по материалам Быстровского некрополя) // Методы наук о земле и человеке в археологических исследованиях. Новосибирск, 2012. С. 344–392.
16. Бородовский А. П. Погребальное пространство в контексте поликультурности (по материалам Быстровского некрополя эпохи раннего железа на Верхней Оби) // Археологические вести. 2017. № 23. С. 229–240.
17. Бородовский А. П. Погребальное пространство в контексте поликультурности (по материалам Быстровского некрополя эпохи раннего железа на Верхней Оби) // Древние некрополи – погребально-поминальная обрядность, погребальная архитектура и планировка некрополей. Труды ИИМК РАН. 2018. Т. 47. С. 123–132.
18. Савинов Д. Г. Ранние кочевники Верхнего Енисея: археологические культуры и культурогенез. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. 202 с.
19. Уманский А. П. О культурной и этнической принадлежности курганов раннего железного века в лесостепном Алтае // Барнаулу – 250 лет. Барнаул: б/и, 1980. С. 50–53.
20. Уманский А. П. К вопросу о периодизации большеереченской культуры // Скифская эпоха Алтая. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1986. С. 32–36.
21. Могильников В. А. Некоторые проблемы генезиса и этнической принадлежности культур раннего железного века лесостепи Западной Сибири // Западносибирская лесостепь на рубеже бронзового и железного веков. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 1989. С. 62–77.

22. Могильников В. А. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тысячелетия до н. э. М.: Наука, 1997. 195 с.
23. Рыкун М. П. О характере травматических повреждений мужского населения Каменской культуры (по материалам могильника Новотроицкое-1) // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 1999. С. 151–154.
24. Рыкун М. П. Краниологические материалы из могильника Каменской культуры Новотроицкое-1 // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: ИПСО СО РАН, 2002. Вып. 4. С. 141–148.
25. Рыкун М. П. Некоторые аспекты палеоантропологии каменской культуры Верхнего Приобья // Известия Алтайского государственного университета. Сер.: История, политология. 2011. № 4–2 (72). С. 173–178.
26. Рыкун М. П. Палеоантропология Верхнего Приобья эпохи раннего железа. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2013. 284 с.
27. Тур С. С. Краниологические материалы из Бобровского могильника большереченской культуры переходного времени от эпохи бронзы к эпохе железа (VII–VI вв. до н. э.) в свете этногенетических проблем древнего населения Верхнего Приобья // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии № 7. Горно-Алтайск, 2001. С. 67–82.
28. Кишкурно М. С. Происхождение носителей каменской культуры Новосибирского Приобья по одонтологическим данным из могильника Быстровка-3 (III–I вв. до н. э.) // Camera praehistorica. 2018. Вып. 1. С. 134–146.
29. Шишкин А. С., Зубова А. В., Волков П. В., Кишкурно М. С. Выставление голов у носителей каменской культуры Верхнего Приобья (по материалам Быстровского некрополя) // Древние некрополи: погребально-поминальная обрядность, погребальная архитектура и планиграфия некрополей: материалы всероссийского с международным участием круглого стола. СПб.: ИИМК РАН, 2016. С. 134–143.
30. Шишкин А. С., Волков П. В., Зубова А. В., Кишкурно М. С. Ритуальное выставление голов у носителей каменской культуры Новосибирского Приобья (по палеоантропологическим материалам из могильника Быстровка-2) // XII Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов. Ижевск, 3–6 июля 2017 г. М.; Ижевск: ИЭА РАН, УИИЯЛ УрО РАН, 2017. С. 142.
31. Кишкурно М. С. Внутригрупповая дифференциация носителей большереченской культуры Новосибирского Приобья раннего железного века // Camera praehistorica. 2022. № 1 (8). С. 118–137.
32. Могильников В. А. О культурах западносибирской лесостепи раннего железного века (итоги и проблемы изучения) // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Кемерово: Изд-во КемГУ, 1980. С. 41–50.
33. Могильников В. А., Уманский А. П. Курган раннего железного века на Чумыше // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. 1981. № 167. С. 80–86.
34. Членова Н. Л. Памятники конца эпохи бронзы в Западной Сибири. М.: Пущинский научный центр РАН, 1994. 170 с.
35. Фёдорова Н. В., Зыков А. П., Морозов В. М., Терехова Л. М. Сургутское Приобье в эпоху Средневековья // Вопросы археологии Урала. 1991. Вып. 20. С. 126–145.
36. Мартынов А. И. Кризис российской археологии энеолита – раннего железного века // Евразия в энеолите – раннем средневековье (инновации, контакты, трансляции идей и технологий): материалы международной научной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения выдающегося исследователя древностей Южной Сибири и Центральной Азии М. П. Грязнова. СПб.: ИИМК РАН, 2022. С. 62–65.
37. Кишкурно М. С., Зубова А. В. Краниология носителей верхнеобского варианта каменской культуры по материалам могильника Верх-Сузун-5 // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. № 3 (30). С. 92–103.
38. Кишкурно М. С., Алексеева Е. А., Шишкин А. С., Зубова А. В. Новые результаты изучения человеческих черепов из ритуального комплекса могильника Быстровка-2 (ранний железный век) // Camera Praehistorica. 2021. № 2 (7). С. 138–151.
39. Шишкин А. С., Волков П. В., Зубова А. В., Кишкурно М. С. Выставление голов у носителей каменской культуры Верхнего Приобья (по материалам Быстровского некрополя) // Древние некрополи – погребально-поминальная обрядность, погребальная архитектура и планировка некрополей. СПб.: ИИМК РАН, 2018. Т. 47. С. 134–143.
40. Завитухина М. П. Ордынские курганы V–IV вв. до н. э. (о культуре скифского времени в новосибирской лесостепи) // АСГЭ. Л.: Государственный Эрмитаж, 1968. Вып. 10. С. 28–34.
41. История Сибири: в 4 т. Т. 2: Железный век и Средневековье. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. 643 с.
42. Головченко Н. Н. Историографический аспект изучения поликультурности населения Верхнеобского бассейна эпохи раннего железа // Археологические культуры Сибири в контексте кросскультурных контактов в Евразии: к 300-летию первых научных археологических раскопок в Сибири (1722 г.): материалы Международной археологической конференции молодых исследователей (Новосибирск, 21–25 ноября 2022 г.). Новосибирск, 2022. С. 18–26

Статья поступила в редакцию 30.10.2023; одобрена после рецензирования 01.02.2024; принята к публикации 02.02.2024.

The article was submitted 30.10.2023; approved after reviewing 01.02.2024; accepted for publication 02.02.2024.